

Универсальный снайпер-разведчик

Успех в бою зависит от таких качеств воина, как выдержка, упорство, хладнокровие, наблюдательность, сноровка, умение, знание сильных и слабых сторон противника.

Одна из специальностей на войне отвечает этим требованиям сполна. Это снайпер, в чью специфику, кроме обязанности уметь оборудовать различного рода укрытия, правильно пользоваться средствами индивидуальной защиты, производить маскировку штатными и подручными средствами, действовать в любых, даже самых неблагоприятных условиях обстановки (днем и ночью, в жару и холод, в снегопад, при дождливой и ветреной погоде), входит меткая стрельба по назначенной одиночной цели на большом удалении.

А еще он должен быть аккуратным, терпеливым, находчивым и уметь быстро реагировать, обладать самообладанием и

выдержкой, выносливостью, быть способным к длительной концентрации внимания несмотря на усталость и действие постоянных раздражителей, быстро и точно реагировать на движущийся объект, правильно глазомерно оценивать величину предметов и расстояние, обладать способностью к различению силы зрительного раздражителя, сохранять активность при малой загруженности, определять по звуку точное расстояние и направление выстрела противника и многое другое.

Встречайте группу Шамана — снайпера, работающего с разведчиками отдельного отряда специального назначения Викинга. Его очерк “Из окопов войны: воодушевляющий спецназ” был опубликован в “Вестнике связи” № 12 в 2024 году.

Шаман

Шаман на ратной службе с 2012 года, есть опыт боевых действий — “практически с первых дней службы были командировки, в том числе и боевые: Южная Осетия, Чечня, Дагестан”.

Говорит, что “снайпер — это профессия и жизнь. Этим “болеешь”, постоянно учишься и совершенствуешься”. И хотя высшее образование у Шамана абсолютно гражданское — специальность “менеджмент и управление персоналом”, и он не оканчивал военные вузы, заслуги его оценены медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени, медалями “За отвагу”, “За храбрость” II степени, Суворова, “За воинскую доблесть” I и II степени.

Начало СВО встретил на одном из полигонов, где находился в командировке после отпуска.

На войне случается всякое, и каждая история уникальна, сложна и по-своему интересна. Сложности в такой тонкой работе, как у снайпера, случаются, особенно при работе в ночное время. Да и зимой при подготовке по метеоусловиям бывает сложно сориентироваться. Работа проходит из глубины блиндажей либо из глубины зданий, когда “нет возможности ветер “пощупать”, а это очень важно для снайпера. Ночью наблюдение ведется через тепловые средства, однако они не отражают шевеление деревьев при слабом ветре. Не так давно при работе на большой дистанции выстрела — почти полторы тысячи метров — попали в оконный проем. Цель скрылась...

Днем же вполне возможно отрабатывать на большие дистанции без промаха, потому что хорошо видны внешние признаки ветра: мираж — “движение воздуха”, шевеление листья, веточек — все это дает подсказки. Безусловно, сильный ветер виден и ночью в “тепляк”, но тихий и по диагонали очень сложно распознать. Вот такая история одного промаха...

Эта работа его “всегда манила. Во-первых, как ни крути, сказалось воспитание голливудскими фильмами, такими как “Снайпер”, “Стрелок”. Хотелось стать лучше. Во-вторых, страстная любовь к ору-

жию с самого детства. Ну и в-третьих, склад характера — педантичный, выносливый, спокойный”. На должность в отряде Шаман стал в 2015 году, до этого был и санитаром, и пулеметчиком.

В работе снайпера “нет мелочей, тут важно все: умение стрелять, умение видеть и наблюдать, умение маскироваться, необходима фантазия, способность соображать, причем быстро, и этот список необходимых навыков можно продолжать бесконечно”. Шаман любит, когда “все на своих местах и по порядку”. Называет себя “флегматичный педант, но не всегда”. Считает, что спокойствие, внимание к мелочам и терпение ценны и в мирной жизни.

Как и все специальности в отдельном отряде специального назначения Викинга, снайпер — универсал: он “и стрелок, и наблюдатель, и арткорректировщик, и сапер, и медик, и связист, и много-много других “и”.

По сравнению с работой снайперов во время Великой Отечественной войны многое разнится. Например, снайперские дуэли “в этом конфликте по большей части случайность. Лучшее контрснайперское оружие — АГС, миномет и ПТУР, а сейчас еще и FPV-дроны”.

И хотя “мы и по сей день используем большинство уловок наших дедов, которые они применяли во время Великой Отечественной”, разница в работе на той войне и на этой — огромная. Благодаря про-

грессу и современным технологиям изменилась дистанция работы — «раньше война была на короткой дистанции, стрелок мог себе позволить, например, выйти в поле, что не может себе позволить современный снайпер. Сегодняшняя война в основном ведется из глубины и очень четко контролирует дистанцию, она такая «крысиная», исподтишка: тебя может убить человек, который находится более чем в десяти километрах от линии боевого соприкосновения, просто используя дрон... а ты даже до позиции не дошел...»

Так что нынешняя война, говорит Шаман, «практически ничем не похожа на Великую Отечественную. Это абсолютно разные конфликты. Тогда правила авиация, танки и артиллерия. Сейчас — дроны».

Единственное, связь сохранила свою функцию нервной системы организма.

Интересно, что враг и союзник снайпера сочетаются — это «животные (коты, собаки), которые в силу своей животной глупости могут вскрыть как твою позицию, так и противника. Дроны — это наше все... Тут нечего добавить. Ну и погода».

На вопрос, какое оружие нравится больше всего, если, например, сравнивать винтовки, как машины, Шаман ответил так: «Определию те, с которыми работал, — отечественного производства и одного калибра (338 LM):

1-е место — винтовка Raptor (BespokeGun). Надежная и качественная — лучшая, с чем я работал, как Mercedes;

2-е место — Orsis T-5000. Тут неплохой баланс «цена — качество — надежность», как VW Golf, Ford Focus;

3-е место — винтовка Лобаева, в частности модель «Сталинград». Местами излишне усложненная, есть нарекания, как «Лада Нива».

Шаман состоит в штате отдельной группы снайперов, в которую входят десять человек, включая командира группы. «Обычно нас работает трое, иногда четверо. На задачу выходят два стрелка и один наблюдатель». Тройка — «это

очень маленький коллектив, характер в нем у всех практически схожий. И хотя состав пары (тройки) определяет изначально командир, случайные люди у нас не приживаются».

Да и вообще на войне слаженность — основа основ, все друг за друга и друг от друга зависят: «У нас по-другому просто никак. Мы едим вместе, спим вместе (зачастую в одном спальнике) — все делаем вместе». И выполнять задание помогает «ответственность, воспитание, характер».

Ребята на войне «делают всю работу», и то, с чем они ежедневно сталкиваются, нам, живущим спокойной жизнью под тихим небом, покажется экстремальным, а для них это уже обыденность... «Уже не обращаешь внимание, как бегаешь и прячешься от FPV-дронов или «мавиков», как выдвигаешься на задание, как работаешь по цели», — говорит Шаман.

Находясь на так называемом отдыхе — в перерывах между заданиями — занимаются оборудованием, чтобы оно не подвело в самый ответственный момент. Выходя с задачи, «мы все тщательно перепроверяем, заряжаем. При возможности простреливаем комплексы, чтобы убедиться в исправности, потому что выдвигение происходит по очень ухабистым дорогам, а оборудование хрупкое — «несолдатустойчивое». Особое внимание — оптике и приборам наблюдения».

К счастью, с серьезными проблемами Шаман не сталкивался, бывало, что «глючило» тепловизионное оборудование — выходило из прицельных данных, в этом случае спасает запасной комплекс и опыт. Работа в тройке оправдывает себя и для замены вышедшего из строя оборудования, и чтобы гарантировать поражение цели. Шаман приводит в пример «опыт наших дедов в Великой Отечественной войне: для увеличения шанса поражения цели они работали по одной цели двумя выстрелами. Выстрел делался так называемым «сплитом», когда противнику непонятно, сколько стрелков его произвели».

К основным нештатным происшествиям, с которыми сталкивалась группа Шамана, можно отнести невозможность «дойти до позиции из-за перекрытия неба «птичками». Выделить какое-то одно задание нельзя — все они примерно одного уровня сложности. Тяжело работать, когда задача не продумана на всех уровнях и по всем направлениям, например карты не сочетаются с рельефом, а выясняется это все уже на месте... И получается, что «выполнение задачи несколько осложняется дальностью — до противника свыше трех тысяч метров, либо вплотную — метров на 100 — 200, а это дистанция для определенного калибра. А какая при таком расстоянии снайперская стрельба

может быть... Хотя и к этому уже приспособились”.

Однажды поздней весной группу Шамана отправили на досмотр бое- столкновения с противником...

“Соседняя группа столкнулась с противотанкистами, которым на помощь пришло подкрепление, и нашим пришлось “откатиться” с одним раненым. Я был тогда в роли наблюдателя прикреплен к другой группе, мы работали с Молчуном и Рыбаком. У меня был ТПК и АК-74, у Рыбака был Mannlicher 338-го калибра, у Молчуна — СВ-98 под штатный калибр. Нас отправили проверить лесополку, закрепился ли там противник. Мы медленно, но спокойно дошли и увидели в месте столкновения с противником подбитый “Фольксваген-Таурег”, в котором нашли противотанковую установку Milan, рюкзак с оборудованием, экипировкой и продуктами и планшет.

В планшете мы обнаружили приложение для арткорректировки, но на нем был установлен четырехзначный пароль с защитой — при неверном введении пароля три раза приложение удаляется. Мы попробовали банальные четыре нуля и 1-2-3-4, но не попали. Осталась одна попытка.

Доложив по радиосвязи, получили распоряжение утроить засаду из-за вероятности того, что противник захочет забрать ПТУР и вещи. Пока сидели в засаде, удивлялись, что у

нас не запрашивают информацию для бумажной волокиты: VIN, номер и всю остальную информацию по “Таурегу”. И тут получаем запрос. Выдвинулись к машине для более тщательного осмотра, подумав, что, может, найдем и бумажку с паролем от приложения на планшете. Действительно, в водительском “козырьке” обнаружили бумажку с цифрами 0904, в бардачке — коробку от планшета, на которой маркером были написаны цифры 0904, в коробке от планшета — бумажку с надписью “пароль 0904”. Таким образом последняя попытка вскрытия пароля приложения была предпринята.

Возле машины установили ОЗМ-72 в неуправляемом варианте — на растяжку. Ждали день, ночь. Ночью над нами кружили “птички” противника. Утром мы пробудились от взрыва на растяжке. Командир с подготовленным бойцом пошли на досмотр, на прикрытии была грамотно расположенная группа и мы. Досмотровая группа, подойдя к машине, увидела “двухсотого” противника и услышала из ближайших кустов радиый доклад на русском языке.

Началась перестрелка, однако, из-за того что все работали с ПБС, определить численность группы противника было невозможно. В главном дозоре у нас был пулеметчик, вся надежда была на него, но у

него, к сожалению, заклинило пулемет — как назло, стерся “накольник”. Группа откатилась к нам, мы навели миномет и начали отработку. Противник тем времен поднял “птичку”. Наш тыловой дозор, видя движение группы, начал понемногу отодвигаться, но его “срисовали” дроны и по нему начал работать 82-мм миномет. Подумав, что мы покидаем позицию, тыловой дозор отошел еще дальше.

Мы же остались, корректировали нашу “стволку” по “Таурегу” и по лесополке, где был противник. Попросили наших по рации запустить “птичку” и осмотреть позиции. Ситуация была, как в голливудских фильмах. Я в это время сидел под лесополкой — контролировал фланг, трое лежат в поле — командир группы, Молчун и Рыбак. Пролетая над нами, “птичка” зависает, мы ей машем, в полной уверенности, что она наша. И тут 82-мм миномет переключается на нас — сначала прилеты в двухстах метрах, а потом все ближе и ближе. Стало понятно, что “птица” была вражеская. Мы встали, собрались и легкой трусцой покинули место засады. Пока собирались, увидели, что к “Таурегу” подбежал человек, но мы ему оставили сюрприз в виде гранаты на двери...

Откатившись до основной части группы и уйдя из зоны поражения работающего по нам миномета, начала работать 152-мм арта. Но у нее уже, видимо, не было особой корректировки, поэтому существенного беспокойства она нам не причинила. Соединившись с группой и забрав Mavic, который уже был на последнем издыхании из-за севшей батарейки, увидели по видео, что к лесополке подъехали два КамАЗа с личным составом, который начал заходить и закрепляться. Таким образом, наше столкновение у “Таурег” было с дозорными, где мы вышли победителями и с трофеем”.

Любые редкие моменты отдыха используются по прямому назначению. На задании сон, конечно, всегда чуткий, но “ты можешь спокойно уснуть, когда знаешь, что товарищ бодрствует и к тебе никто не подкрадется. Когда уходим на удален-

ную работу от основной группы — группа находится достаточно далеко для оказания первой помощи, один дежурит, остальные отдыхают. В основном работа ведется в темное время, потому что передвижение противника чаще ночное. Поэтому и наблюдение днем неактуально — оно ведется в пассивном режиме. Таким образом, ночью мы втроем бодрствуем, а днем дежуриим”.

Вот история Шамана, подтверждающая братство воинов.

“В середине первого лета СВО отправили нас на доукомплектование примерно в пяти километрах от ЛБС на угледарском направлении. Мы ожидали проводника для захода в населенный пункт, в который на машинах заходить было невозможно из-за контроля дороги противником. Решено было заходить малыми группами, по 2 — 3 человека, ночью.

Переночевав, днем парни попросили помочь им залить летний душ. Все говорило о том, что идея не

очень хороша — небо ясное, “птички” кружат, хотя на тот момент их было несравненно меньше, чем сейчас. Таская и заливая воду, увидели в отдалении проезжающий КамАЗ. Как потом выяснилось, он был на контроле у вражеской “птицы” — она его вела и засекла и нашу группу...

Начался обстрел Д-30 (122-мм гаубица). Первые прилеты были во дворе — они явно пристреливались. Время между выходом и приходом было около 5 — 6 секунд, время между перезарядками было 30 секунд. Группа спустилась в подвал. И противник начал “разбирать” дом...

Сначала все были спокойны — дело привычное. Когда прилеты пошли по обшивке дома, уже немного стало напряженнее. После первого прилета по дому командир дал команду по двойкам выскакивать и хватать экипировку (группа была на отдыхе из-за удаления от ЛБС, поэтому не экипированы на время прилета). Второй двойкой был я с

Молчуном. Мы выскочили, я схватил берцы (был в тапочках на тот момент), схватил броню и каску, автомат у меня всегда с собой, Молчун, как на пит-стопе, из тапочек запрыгнул в берцы, тоже схватил броню и каску, и мы побежали в подвал. Как оказалось, после нас уже никому не удалось экипироваться, потому что потом был прилет по дому в то место, где лежали вещи — броня, каски, рюкзаки с имуществом, оборудование (сгорели две винтовки).

Противник подключил второй ствол. Теперь время между перезарядками сократилось до 20 секунд. Уже никто не выбегал — парни остались кто босиком, кто в тапочках. К тому же в доме начался пожар после прилета. Мы, пребывая в полной уверенности, что находимся в бетонном подвале, сильно не волновались. Но тут я посветил на потолок и увидел, что подвал обложен просто побеленной доской... Дом горит, оставленные в доме БК взры-

ваются, ситуация становится опасной. Командир подал команду уходить двойками-тройками. Благо, выход из подвала был в углу, рядом с окном, и вокруг были дома, где можно было укрыться.

Первая тройка состояла из двух водителей “Тигра” и пулеметчика. Для корректировки противник продолжал наблюдение “птицами”, и огонь был переведен на эту тройку. К сожалению, один водитель погиб...

Обстрел прекратился, но дом горел и БК взрывался. Затем побежали мы с Молчуном — нас командир отправил в другое место, где была развернута небольшая зона управления. Когда выходили из дома, я был первым, Молчун шел за мной. Я выпрыгиваю в окно, а сзади меня детонирует граната. И так получилось, что я уже выпрыгнул, а Молчун успел сделать шаг назад, и мы сильно не пострадали.

Когда дом догорел, я заскочил в него, чтобы забрать сгоревшую АСВК и СВ-шку. Благо у меня были нормальные кожаные перчатки, потому что в доме было, как в мангале. Жар был такой силы, что ото всего остались алюминиевые планки.

Группа собралась, было решено эвакуироваться. Забрали погибшего водителя. Остались без ключей от одной из машин, пришлось заводить ее методом угонщиков”.

Случаются и истории из серии “Пришел, увидел, победил”, продолжает Шаман: “Все ребята из моей группы были в отпуске, я поехал на работу с Рыбаком, который еще не был на этом направлении. Я был в роли наблюдателя. Изначально предполагалось работать в тройке и идти на дальний рубеж. Но из-за того что Тихона не было, мы подкорректировали задачу и вдвоем пошли на другую точку, которую мы называли замок, — большое двухэтажное крепкое кирпичное здание с толстыми стенами, бетонными перекрытиями между этажами, находящееся в серой зоне.

Движения с этой точки мы не наблюдали, так что относились к ней скептически. Нам надо было выходить примерно на сто метров

вперед наших позиций, к тому же там все было заминировано. Еще при подготовке этой точки, в “замке”, Тихон увидел ПОМ-2Р, мы ее разминировали, остальные трогать не стали.

Мы заехали в “замок” с Рыбаком. Осмотрев все и убедившись, что повторно ПОМ не поставлено, зашли в дом, начали спокойно готовить: расставлять треноги, подготавливать ТОД, выставлять винтовку и прицел на минимальную дальность стрельбы — на тот момент она составляла 1200 метров. К тому моменту все необходимые метеоданные мы получили и поправки ввели. И вот, открыв линзу, сразу вижу цель — на дистанции полтора километра в окне дома наблюдатель. Даю команду Рыбаку. Рыбак производит выстрел, но ветер его немного смещает, но цель даже не заметила прилета, зато в окне появилась еще одна цель. Рыбак, сделав необходимые поправки, произвел повторный выстрел и выполнил задачу.

Далее на протяжении 40 минут движения не было вообще. Затем началось мельтешение, появились FPV-дроны и стали искать место, откуда мы работали. Прошло минут 10, и противник начал пытаться нас выманить на еще один выстрел — в углу окна мелькал тепловой сегмент, может и грелку даже выставляли, с интервалом от одной до пяти секунд. Передавая информацию в командный пункт, туда был наведен “Василек”. Подождя еще какое-то время, как говорится, Бог нам помог — начался дождь, поэтому “птички” не летали, и мы спокойно ушли”.

Вера на войне, конечно, помогает. Шаман считает: “хоть кто-то и говорит, что не верит, но креститься и молиться приходится даже самым заядлым атеистам”.

Это была самая быстрая задача отработки по цели. Обычно на работу уходит несколько дней, а иногда и месяц приходится готовиться к одному выстрелу — высматривается характер цели, закономерность, приоритетность.

Военная удача снайпера ничем не отличается от обычной военной

удачи. Конечно, случается и “лоховской” фарт — это когда ошибаешься в расчетах, а летит куда надо. Зачастую все просчитывается до мелочей. Особенно на больших дистанциях — на них не бывает мелочей, все должно быть четко, тогда и цель будет поражена. Основная удача — добраться до места задачи, выполнить ее и вернуться живым.”

К сложностям можно отнести выдвигание — очень большая активность FPV-дронов противника. Это самый уязвимый момент для группы. Приходится выискивать окна в активности “птичек” и пытаться проскочить. Придя непосредственно на позицию “можно немножко выдохнуть, потому что ты дошел и тебя не спалили — считай, полдела сделано”. Дальше происходит доподготовка позиции, выставление оборудования, распечатка бойниц и проведение наблюдения.

Для понимания активности дронов в небе. В детекторе есть пять делений, отображающих силу сигнала птички. Дальность составляет 1200 метров. При обнаружении индикаторы мигают, он вибрирует и издает звуковой сигнал. Так вот, активное одно или два деления прибора ребята уже игнорируют — он не молчит вообще! Просто передвигаются с осторожностью...

Юмор на войне необходим как разрядка, замечает Шаман. Все происходящее вокруг собирается в тебе “как накипь в чайнике”, и если не давать выход, то “рано или поздно сломишься. Поэтому смеемся, подкалываем друг друга. На гражданке, наверное, наш юмор будет не всем понятен. Но без юмора точно никак”.

Армейская и гражданская дружба различна, это отмечают все. Это заметно, даже когда приходишь просто из армии, а не из горячих точек. Как сказал Шаман, “дружба закаляется ситуациями, которые вы переживаете вместе. И здесь, на войне, таких ситуаций больше. В то время, когда мы с Молчуном горели в доме и эвакуировались, у меня уже родилась дочь и я думал, кого выбрать для нее крестным. И вот тогда я понял, что лучшего крест-

ного для моей дочери, чем Молчун, не будет. Теперь он мой кум”.

Возвращение к мирной жизни, уверен Шаман, пройдет плавно. Единственное, к чему надо будет привыкнуть — к мирным звукам. Например, когда Шаман был на отдыхе за городом, то услышав жужжание, подумал, что это “птичка”, а оказалось вдалеке работала бензопила...

В послевоенных планах Шамана построить дом и открыть свое дело. Было бы неплохо получить офицерское звание. Но сначала должна закончиться война.

Рыбак

Рыбак очень лаконичен, это видно из его ответов. Был ранен — попал под сброс “Бабы Яги”, его посекло осколками, один осколок зашел в легкое...

До войны работал на стройке. Окончил среднюю школу.

Происходящее в Донбассе затронуло Рыбака задолго до 2022 года.

Считает, что военные тонкости постигаются на учебе. Изначально в снайперы случайно попал по временному штату, потом “понравилось, начал развиваться. По душе это”. Работа снайпера — это “в первую очередь быть полезным. В идеале — по прямому назначению”.

Черты характера “можно долго и много описывать. На мой взгляд, самое главное — ум, умение держать себя в руках в стрессовых ситуациях, чтобы удалось воспользоваться этим умом. И конечно же, терпеливость. В принципе и в мирной жизни, наверное, они тоже помогают”.

Снайпера “прямо универсальным, конечно, не назвал бы. Но он должен многое знать и уметь”.

Рыбак считает, что разница между снайпером времен Великой Отечественной войны и специальной военной операции огромная. “И отличий масса. Начиная от дистанции и заканчивая составом комплекса. Схожесть в поддержке артиллерии, авиации, в необходимости инженерных заграждений. Отличий же гораздо больше.

Большое превосходство современного вооружения перед вооружением той войны. Ну и наличие беспилотной авиации, тепловизоров, различных детекторов”.

Связь сохраняет свое свойство быть “одним из самых важных элементов”. Ее отсутствие осложняет любую ситуацию.

Основные враги снайпера “на мой взгляд, сейчас это беспилотники”.

Личные ощущения выбора чело- века в тройку основываются на том, “доверишься ли ты человеку или нет, чем подходит или не подходит. А это бывает уже познается, увы, только в ходе работы”.

На войне один за всех, и все за одного “должно быть так. Но увы, не часто встречается. Если говорить в общем, а не конкретно о нас”.

В сложной ситуации сосредото- читься и выполнить задание помогает “понимание, что если этого не сделать, домой можно и не вернуться”.

Рыбак уверен, что “юмор необхо- дим всегда! Главное, в меру. Дружба везде есть дружба. На гражданке друг тоже познается в беде”.

Хочется подчеркнуть, что ситуа- ции, когда опускаются руки, — это не про Рыбака — “я могу только злиться, но не унывать. Я быстро ко всему приспосабливаюсь”.

На освобождаемых территориях с населением нам предстоит “оооочень серьезная работа... И не только на освобождаемых”, счита- ет Рыбак.

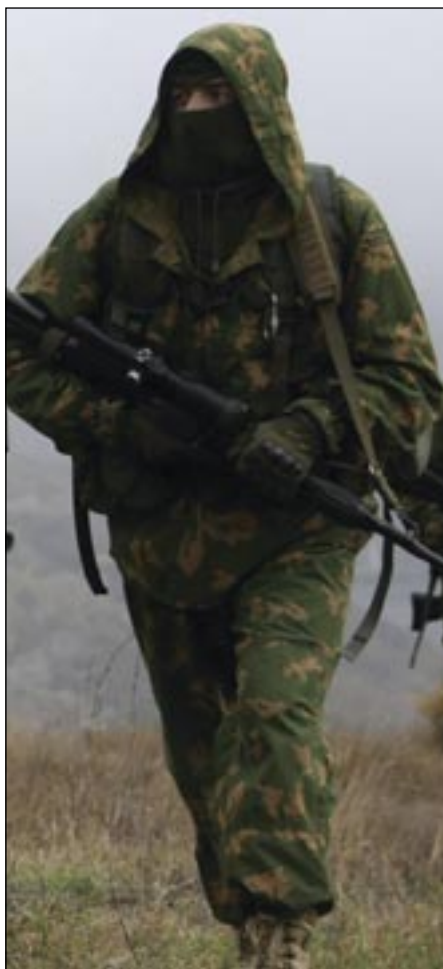
Когда закончится война, у Рыбака “слишком много планов”. А мы искренне желаем ему крепкого здоровья и чтобы все задуманное легко и быстро воплотилось в жизнь!

Молчун

ВУС Молчуна — разведчик-снайпер.

По окончании средней школы успел поучиться в нескольких учеб- ных заведениях, но из-за юношеско- го максимализма, а где-то и поиска

новый опыт — на таком уровне еще никто не работал”.

Подготовку проходил в Чеченской Республике, и этот опыт оказался полезен. Даже “приходилось делиться им со многими товарищами, у которых за плечами не было никаких навыков. А чем больше вокруг тебя обученных людей, тем больше вероятность сохранения и твоей жизни, и их”.

Еще в юношеском возрасте Молчуна привлекала профессия снайпера — пожалуй, она была окутана даже неким мистическим флером. К специальности шел долго. Во время срочной службы “высказал командованию желание постичь азы этой должности. И мне говорили: “снайпер — это ползи, не ешь, не пей, замри. Ты готов сутками лежать в куче мусора для произведения единственного выстрела?” А я отвечал, что готов. Хотя, конечно, полного осознания, что именно представляет из себя профессия, у меня не было. Но я стоял на своем, и спустя некоторое время меня поставили на должность. Это был первый минимальный опыт, первое знакомство со специальностью”.

Молчун определяет работу снайпера “как крупную сухую крошку в постели противника. Снайпер — это не только тот, кто может прийти на позицию и сделать скрытный выстрел. Это замаскированный, владеющий и держащий в голове огромный массив знаний и информации, имеющий большой опыт сотрудник, ведущий наблюдение и подмечающий все скрытные моменты. Он может навести артиллерию, при этом остаться незамеченным. Снайпер многогранен, умеет грамотно применять навыки в определенной обстановке, обладает выдержкой и умеет сориентироваться в нештатной ситуации, приняв верное решение. Поэтому меткость играет важную, но не решающую роль”.

Да и в профессию не так легко попасть — претенденты проходят серьезный отбор, с ними проводятся беседы, и только после анализа всех факторов происходит выбор. Сопутствующими чертами характера можно определить самооблада-

ние, аккуратность и педантичность. Эти же черты помогают и в мирной жизни переносить такие тяготы, как, например, ремонт, который у всех вызывает трепет.

Специальность снайпера сегодняшнего разительно отличается от времен Великой Отечественной войны, хотя бы потому что тогда “не было необходимости обладать таким пластом знаний, который потребен сейчас для выполнения задачи. Современные специалисты обязаны уметь пользоваться всеми сопутствующими приборами и техникой, средствами связи. Такие основные элементы работы, маскировка и стрельба, конечно, остались неизменными”.

Считает, что снайперская дуэль в современных реалиях маловероятна, но возможна. А вот с “лоховским фартом” [о котором уже упоминал Шаман] вполне можно столкнуться, “потому что бывает вопреки всему не удается просчитать все данные для стрельбы и многое другое. А в конечном итоге все складывается как надо. На это, конечно, полагаться нельзя. Но это случается”.

“Войны похожи друг на друга в части переламывания человеческого ресурса, — заключает Молчун. — Но в каждую эпоху развитие технологий вносит коррективы в ведение военных действий. Связь на войне несет определяющую роль. К примеру, ушедшая разведгруппа без связи не передаст вовремя информацию и не позволит оперативно сработать. Не зря говорили: “Нет радиста, нет группы”. Без связи командование пребывает в неведении о действиях бойцов своего подразделения. Так что она имеет существенное значение”.

Врагом грамотного снайпера можно считать такого же грамотного специалиста противника. Погодные условия иногда вредят, иногда на руку, но они относятся к “переменным факторам”. Очень сильно досаждают дроны.

“Сон... Совсем нам не союзник, конечно, — говорит Молчун. — Но моменты его перебороть у меня проходят на адреналине. Когда ты не один, немного проще. Бывают

себя обучение не завершил. Но с годами осознание о необходимости образования пришло, и теперь Молчун параллельно служению Отчизне обучается в вузе.

До военных действий работал и на кирпичном заводе, и в ЧОП. С 2010 года несет ратную службу по контракту.

Война началась для Молчуна задолго до 2022 года. Хотя “в некоторые вещи верить не хотелось, но они находили подтверждение фактами”. Одним из главных моментов считает, что после объявления начала СВО “никто из находящихся рядом не сказал: “я не пойду, я не настроен на войну, я не готов”. Все как один, стиснув зубы, получили экипировку, сели в машины и продолжили движение, выполняя приказ. Значит, вокруг были правильные люди”. Считает, что СВО привнесла много нового “для развития и получения боевого опыта. И все оказались вовлечены в такое глобальное, масштабное применение войск, всех видов орудий. И это было совершенно

моменты, когда возможно прикрыть глаза и даже подремать. Адреналин и, если можно так выразиться, азарт — они не дают покоя. Нет, это не стремление жестокой расправы над противником. Здесь все по-другому проходит... Скорее, это непрерывный анализ — новая местность, всплывают какие-то моменты, которые заметил, учишься на месте, стараясь ничего не упустить”.

Что касается вооружения, то “полученный опыт во время боевых действий учит не только воинов, но и производителей, демонстрируя им пробелы в разработках и позволяя улучшать и совершенствовать необходимое оружие. И сейчас наши оружейные заводы и концерны не хуже, а в чем-то и лучше западных”. Среди производителей, чья продукция очень нравится, Молчун выделил BespokeGun — “изъяны в этих винтовках не найдены”.

В подразделении Молчуна при формировании двоек или троек особого подхода по началу не было, они сформировались сами собой в сработавшемся коллективе: “чем дольше работаешь, тем больше привыкаешь к человеку, тем более сплоченной становится команда, тем легче нам выполнять работу, потому что мы уже понимаем друг друга с полуслова, работаем единым организмом. И определенно, мы все один за всех, и все за одного. Иначе нам победы не видать”.

Даже при таких дестабилизирующих факторах, как налет дронов, прилеты, следует помнить “что необходимо здесь и сейчас выполнить задание, иначе дальнейший ход событий непредсказуем и может все повернуться в печальную сторону. Все заряжены на выполнение работы и стремятся довести дело до конца”. “Вера для меня, наверное, сравнима с щитом, который нас всех оберегает здесь. На то она и вера”, — очень тепло определил Молчун.

Однажды, “работая в отрыве от подразделения и ведя ночное наблюдение за местом нахождения противника с помощью тепловизионного прибора, засекли движение и уже приготовились, как “теп-

ляк” перестал работать. И мы остались без глаз. Вот такая нештатная ситуация очень сильно выбила нас из колеи на тот момент”. Молчун подчеркивает, что “каждый выход на задачу одинаково серьезен и сложен”.

“Викинги — это уже не только служба. Здесь коллектив, который сработался. Люди, которые рядом готовы не только здесь, на войне, оказать поддержку, но протянут руку помощи и за пределами СВО”, — замечает Молчун. Любые неурядицы и на фронте, и дома помогает перенести юмор — он необходим для разрядки. “Общение в том маленьком кругу, в котором мы находимся, с теми людьми, которые рядом, в которых ты уверен, — это помогает вернуться в строй в тяжелых ситуациях. Ты видишь, что они рядом — не потому, что им деться некуда, а потому что они всегда будут рядом, потому что они — твои боевые товарищи”.

Молчун очень тонко и правильно сказал про потери боевых братьев — к этому нельзя подготовиться, но с этим приходится жить...

Работа с населением не только на освобожденных территориях предстоит колоссальная: “так называемые “ждуны” буду всегда, и при завершении конфликта будет достаточное количество людей на нашей территории, у которых сохраняются “промытые майданом мозги, и с ними необходимо работать, а работы будет много”.

Молчун награжден медалями “За отвагу” и Суворова, знаком отличия ордена Святого Георгия — Георгиевским Крестом IV степени. Получение по крайней мере первой награды “все-таки достаточно волнительный момент. Потому что тебя отметили, потому что ты достоин”.

Слова приветствия Молчун передает родным и близким, а огромную благодарность — супруге, которая терпит, хранит в его отсутствие семью и дом, любит и ждет.

Тихон

До службы в армии Тихон учился и работал в родном краю. Учился на тракториста-машиниста сельскохозяйственного производства, имеет права категории С. Уверен в себе, быстро учится: “Если пару раз покажут, то поеду и на танке”.

Армейская ВУС — “водитель-крановщик”. После срочной службы подписал контракт и ушел с должности водителя — числился во взводе военно-транспортного имущества — в стрелковую роту снайперов. Считает, что “это лучшая работа в мире”. После первого контракта был пару месяцев перерыв. Объявление мобилизации встретил дома. Спустя некоторое время позвонил брат (позывной Хантер) и сказал: “работы много, и интересно”. Тихон собрал вещи и после месяца урегулирования всех бюрократических фор-

мальностей был готов к несению ратной службы.

В юности Тихон почти не стрелял — пару раз занимал призовые места: в ДОСААФ и по стрельбе, больше увлекался бегом. *“Спорт — основополагающее звено нашей работы. Бегать, передвигаться приходится много. Физически необходимо быть сильным. На себе переносим тяжелые грузы, проходя с ними большие расстояния. Не всегда можно подъехать к наблюдательному пункту, поэтому идешь и несешь все на себе. Физкультура, физкультура и еще раз физкультура — ты должен быть закален”.*

Общая масса, которую ребята переносят на себе, составляет порядка 30 — 50 килограммов! Конечно, зависит от того, кто с чем идет: автомат несколько легче винтовки. Бронежилет весит около 12,5 килограмма, пояс весит семь килограммов, компоновка рюкзака зависит от задачи и времени года и колеблется от 20 до 30 килограммов. Зимой загрузка больше, потому что берутся теплые вещи, каталитические грелки. И только представьте, что это все несешь на себе и стараешься пройти незамеченным!

После заключения в марте контракта и прибытия в мае на территорию соединения и прохода всех комиссий Тихон готов был *“с нетерпением и желанием побыстрее*

влиться в ряды группы и поехать к ребятам”, несмотря на отсутствие боевого опыта и на сопровождающие его фразы окружающих *“не спеши на войну”*. Тихон их не слушал, а стремился на помощь ребятам, которые уже сражались.

Это была первая и самая длительная командировка Тихона — с мая по ноябрь, и *“очень интересная, так как включала первый боевой опыт. Интересно было все: взаимодействие, налаживание, поиск целей, наведение артиллерии, наблюдение, знакомство с разным вооружением, с людьми, первый опыт. Все это очень много дало в плане познаний и практики, в том числе как корректировщик наведения артиллерии. Единственное, под конец седьмого месяца было уже немного тяжеловато”.*

В следующую командировку Тихон поехал в январе — на смену двойке. Был в паре с Хантером. В апреле Хантер засек противника и отработал по нему. Но вражеский напарник в ответ выстрелил в Хантера и ранил его — *“мне пришлось его вытаскивать из посадки. Рядом были окопы. Я его туда затащил, оказал всю необходимую медицинскую помощь. Хантера эвакуировали”.* Ночь Тихон провел без сна, сказались и выброс адреналина, и переживание за брата. Утром вышел на связь с командиром: *“отряды*

стоят рядом, границы смежные. Принял решение перейти в соседний отряд нашего же соединения. Таким образом я просто немного сместился с одного направления к другому и начал работу с другими ребятами. Кстати, после ранения Хантер восстанавливался год и несколько месяцев, ранение оказалось существенным... Потом он переведется в другое соединение”.

В первый боевой заезд интерес превалирует над страхом: *“Начинаешь постигать все премудрости, как себя вести при выходе артиллерии — прижиматься к полу, как при дронах. Ты поднимаешься по этим ступеням боевого опыта, как по лесенке, и уже потом приходит понимание, что это страшно”.*

Десять из десяти Тихон пока не выбивает, но явно и верно движется в этом направлении. Думается, что скоро он достигнет эти высоты.

Летом Тихон уехал в отпуск, где восстанавливался. Ребята из его соединения в это время работали под Бахмутом. *“Отпуск я беру сразу длительный, потому что живу достаточно далеко. В отпуске думаешь, как пацаны, как работа. Лишь бы никого не задело... Тяжелый момент отъезда из дома, особенно для родителей... Неся службу с 18 лет, конечно, тянет обратно. Здесь уже постоянный дом, а родной дом — он для недолгой встречи с родными”.*

Летом 2023 года Тихон заехал в подразделение отряда Викинга и с тех пор несет ратную службу здесь, плодотворно работая и *“приобретая еще больший опыт именно по своей специальности. Хотя условия становятся все жестче и жестче, потому что противник не стоит на месте и развивается. Дроны, дроны, дроны — это у него поставлено на поток”.* Со временем Тихон научился определять по звукам все пролетающее мимо. *“Каждый выход, каждая задача — разные в плане работы, взаимодействие с другими ребятами — это все составляет интерес в работе”*, — считает Тихон. Единственное, из-за “птичек” стало очень тяжело добираться до места выполнения задачи.

В группе Шамана у Тихона функции наблюдателя — это коррекци-

ровка, наблюдение, поддержка. К тому же он идет первый, поэтому ему необходимо внимательно смотреть под ноги. Сюда же входит разведка и предварительная разведка местности и зданий. Работа в тройке — это совместная работа, ребята вместе обсуждают и прокладывают маршрут, определяют, что берут с собой, распределяют роли и координируют дальнейшие действия. И стоит подчеркнуть, что они взаимозаменяемые.

Работа снайпера — это «выносливость и терпение. Что-то одно сделать основополагающим нельзя. Эти два качества должны быть вместе. Даже, наверное, не столько терпение, сколько стрессоустойчивость. Нас сопровождает очень много моментов, при которых необходимо мгновенное принятие решения. Снайперу приходится совмещать много и в своей специальности, и в смежных — ты должен уметь работать и со связью, и с медициной. Топография, техника — это тоже основные составляющие необходимых знаний. Любой воин, обладающий обширными знаниями, — это ценный боец».

«Война, безусловно, меняет людей, меняет восприятие, принципы, идеи, — замечает Тихон. — У человека происходит колоссальная работа по переоценке себя и окружающего мира. И в каких-то сферах жизни ты становишься более спокойным, а в каких-то более принципиальным, может даже нетерпимым».

По сравнению с Великой Отечественной войной боевые действия сейчас ведутся с колоссальной разницей, считает Тихон: «одна только техническая составляющая чего стоит. Появились новые калибры, приборы, оптика. Можно экспериментировать с навеской пороха, пулями. Война и улучшилась, и ухудшилась одновременно. Теперь — кто хитрее и кто быстрее. Дроны, дальность ведения боя, ракеты... Появилась навигация, работа ствольной артиллерии. Наибольшую корректировку внесли дроны. В сегодняшних условиях перед решением поставленной задачи стоит задача дойти до места ее выполне-

ния. Даже если взять период начала войны в Донбассе в 2014 году и сейчас — разница значительная. К сожалению, мы не так быстры в вопросе развертывания новых технологий. Противник в силу сторонней помощи делает это шустрее. Да и бюрократические проволочки сказываются. Хотелось бы сокращения бумажной волокиты в вопросах новаций». Основными врагами снайпера Тихон называет нетерпение и панику. Да и отсутствие связи определенно приводит к хаосу.

Из лучшего оружия выбирает «то, с которым работаешь. Мне разницы нет — я работаю с любым, главное, знать матчасть. Я любитель оружия в целом, все очень люблю».

Работа в тройках и двойках — это сложившаяся и устоявшаяся практика, а вообще все зависит от штата. Тихон замечает, что «к новым людям относятся с осторожностью. Чтобы работать с человеком, необходимо быть уверенным, что он надежен, стрессоустойчив, адекватен и не бросит тебя или оборудование в непредвиденной ситуации». Хотя считает, что на войне больше каждый за себя.

При выполнении задания в сложных условиях сосредоточиться Тихону помогают мысли о скором отпуске и свидании с родными и близкими. Но «все действия всегда должны быть продуманы наперед».

Возвращение к мирной жизни будет разным для «каждого отдельно взятого человека. Все зависит от ситуаций, в которых он побывал. Для страны в целом тяжеловато будет. Работа на освобожденных территориях предстоит очень серьезная...» — заключает Тихон.

Стрессовые ситуации, которые сопровождают любую войну, нашим доблестным защитникам помогает пережить сознание «кто, если не мы». И мы здесь, в тылу, очень благодарны ребятам за то, что они несут на себе это тяжелейшее бремя обеспечения нашей безопасности и мирного неба.

И мы ждем всех домой! Победа будет за нами! С Днем защитника Отечества, наши дорогие воины!

Под видом приложений

Специалисты компании F.A.C.C.T. выявили преступную группу, которая использует тему поиска пропавших без вести участников специальной военной операции для кражи денег их родственников и близких.

Злоумышленники под видом приложения для поиска пропавших на СВО распространяют вредоносное ПО для Android, позволяющее списывать деньги со счетов пользователей. «Скам»-группа действует с конца января т.г. и использует три сценария вовлечения. Аналитики департамента защиты от цифровых рисков F.A.C.C.T. посчитали, что за 19 дней участникам преступной группы удалось заразить более 4 тысяч Android-устройств: 268 — в январе и 3770 — в феврале. Причем всего за один день — 5 февраля 2025 года вредоносное ПО, распространяемое «скам»-группой, было установлено на 1055 устройств.

Напомним, что 14 февраля стало известно о поручении Президента России Владимира Путина представить предложения о совершенствовании механизма поиска военнослужащих, пропавших без вести в период СВО.

Рекомендации:

критично относитесь к сообщениям от незнакомых людей. Даже если знакомый человек прислал ссылку, не открывайте ее, пока не убедитесь, что вы его об этом просили, — аккаунты знакомых могут взломать и использовать для рассылок вредоносного программного обеспечения;

не переходите по ссылкам от пользователей, которых не знаете в реальной жизни;

не устанавливайте приложения по ссылкам из СМС, сообщений в мессенджерах и писем. Устанавливайте приложения только из официальных магазинов приложений, таких как RuStore и GooglePlay, либо по ссылкам на официальных ресурсах компаний.